

Литературная премия «Иду на грозу»

Леонид ТЕРУШКИН

«...И НА ИХ ПРИМЕРЕ ВОСПИТЫВАТЬ МЕДИЦИНСКУЮ МОЛОДЕЖЬ»

И. Б. Фридлянд — врач, фронтовик, ученый

Семейные архивы хранят интереснейшие сведения о событиях недавней истории и судьбах тысяч людей. Как погибших, так и тех, кому посчастливилось остаться в живых. То, что поступило в государственные архивы, обязательно будет изучено и введено в научный оборот. Но этим документам уже сейчас обеспечены сохранность, оцифровка и надлежащие условия хранения. А вот уникальные порой документы, хранящиеся дома (на дачах, на антресолях и т. д.), подвержены опасности физической утраты и забвения... Причем нас, историков-архивистов, исследователей прошлого, беспокоит не только это. Часто интереснейшие документы попадают к нам без всякой возможности получить комментарии, узнать подробности об отправителях и адресатах писем, авторах воспоминаний, дневников, о биографиях и судьбах людей. Старшее поколение покинуло сей мир, а потомки часто не интересуются вышперечисленным или делают это слишком поздно...

В рамках данной статьи хочется привести обратный пример, рассказать об изучении документов и восстановлении биографии интереснейшего, незаслуженно забытого человека, ученого-медика, фронтовика Иосифа Бенциановича Фридлянда (1907—1981).

Его сын М. И. Фридлянд, по специальности тоже врач, на протяжении многих лет изучает и восстанавливает архив своего отца. По его словам, «...текст воспоминаний был готов к концу 1960-х годов, но попал мне в руки после 2000 года, через 20 лет после смерти автора. Прошло еще много лет, прежде чем я дозрел до оцифровки семейных архивов. Очень жалею, что много информации потеряно безвозвратно, поэтому хочу сохранить оставшуюся в такой форме, чтобы она была доступна другим».

Личный фонд И. Б. Фридлянда в составе архива научно-просветительного центра «Холокост» включает воспоминания, военные дневники, переписку, фотографии времен Великой Отечественной войны и послевоенного периода. Было бы сложно, если не невозможно погрузиться в особенности и детали практической и научной деятельности И. Б. Фридлянда, подробности его биографии без консультаций, пояснений его сына.

Немного биографии

Иосиф Бенцианович Фридлянд родился в 1907 году в местечке Смиловичи Игуменского уезда Минской губернии. Внук раввина Мордехая Фрида, погибшего в Минском гетто в 1941—1942 годах. Мать Хася Мордуховна Фридлянд (урожденная Фрид), отец Бенциан Семенович Фридлянд.

В 1919—1924 годах Иосиф обучался в школе второй ступени в городе Сердобске, в 1927—1931 годах — во Втором Московском медицинском институте (ныне Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова).

Хочется отметить, что в 1927 году И. Б. Фридлянд поступал и был принят сразу в три института, в том числе физико-математический и медицинский, так как в вузы можно было подавать копии документов. После этого он пошел за советом к своему дяде Семену Марковичу Фриду, врачу и ученому, служившему врачом в Русской императорской армии и в Красной армии во время Гражданской войны. С. М. Фрид сказал, что математика, конечно, вещь интересная, но в такое время прокормить может только медицинский диплом. В данной среде семейные традиции в отношении профессии врача весь XX век были очень устойчивыми и сильными.

Специальность, которую выбрал молодой ученый — биохимия, заключается в изучении химических процессов, происходящих в живом организме и обеспечивающих его существование. В 1931 году молодой человек окончил медицинский вуз и был оставлен в аспирантуре на кафедре биологической и органической химии у профессора Бориса Ильича Збарского. Окончил аспирантуру в 1934 году, после чего был направлен в открытый в 1932 году Архангельский медицинский институт. Здесь Фридлянд с июля 1934 по июль 1937 года работал ассистентом на кафедре биохимии под руководством профессора Лазаря Давидовича Кашевника (первый зав. кафедрой биохимии с 1933 по 1939 год). Иосиф Бенцианович провел экспериментальное исследование и собрал основной материал по актуальной теме — скорбут (цинга). Работа завершилась в 1939 году защитой кандидатской диссертации «К вопросу о белковом обмене при экспериментальном скорбуте». Проблема была весьма актуальная и на биохимическом уровне малоизученная. К этой теме И. Б. Фридлянд время от времени возвращался на протяжении многих лет. С 1937 года до начала Великой Отечественной войны молодой ученый работал ассистентом на кафедре биохимии Второго Московского медицинского института. В 1939—1940 годах обучался в вечернем институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).

Супруга Иосифа Бенциановича Нинель Григорьевна Фридлянд-Приворотская родилась в 1923 году в Москве. В 1941 году окончила 586-ю школу

И. Б. Фридлянд. 1945 г.

и была принята во Второй Московский медицинский институт. В этом же году уехала в город Киров в эвакуацию вместе с родителями. С августа 1941 по февраль 1942 года обучалась на курсах медицинских сестер при Кировском обкоме Красного Креста, затем работала в госпитале, после чего добровольно вступила в ряды Красной армии. С апреля 1942 по июль 1945 года служила на должностях рядового и сержантского состава (сначала разведчиком и санитаром, потом связистом и радистом) в 54-й зенитной артиллерийской дивизии Особой Московской армии ПВО. В 1945 году вернулась во Вторую ММИ, который окончила в 1951 году. После окончания института с февраля 1953-го работала подростковым психиатром в психоневрологическом диспансере № 12. В 1991 году выехала с семьей дочери в Израиль, где умерла в 2001 году.

Н. Г. Приворотская. Июнь 1942 г.

Письма с фронта и на фронт

Сохранилась переписка И. Б. Фридлянда, характеризующая его отношения с родственниками и друзьями. Из письма коллегам по Второму ММИ (январь 1942 года):

«...Несколько дней тому назад я думал, что буду иметь возможность внезапно появиться перед изумленными биохимиками: в Москву летел “Дуглас”, и я получил разрешение на полет. Из-за плохой погоды полет задержали, а в день полета началось наступление нашей армии. Идут тяжелые бои. Немцы за все цепляются — не хотят уходить с нашей земли. Но Победа — наша! Вместо Москвы я попал на передний край и только сегодня получил возможность отдохнуть немного и ответить на целый ряд полученных писем, а также написать Вам. Служу в армии в звании майора м/с армейским специалистом (токсикологом) и благодаря этому довольно хорошо знаю медицинский состав армии. Я не встречал дивизии, где бы не было воспитанников 2[-го] ММИ. С ними я особенно радостно встречаюсь, а от последних выпусков узнаю о жизни нашего института, который после армии является наиболее близким мне учреждением». Далее три строки зачеркнуты военной цензурой.

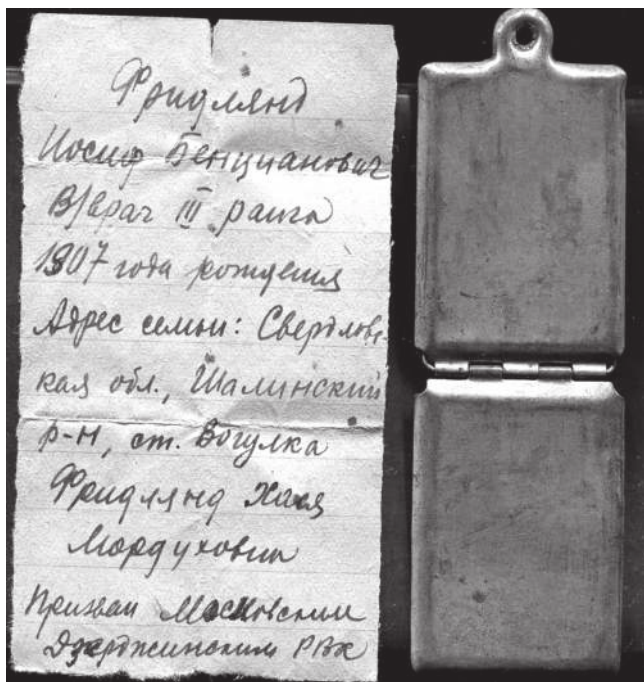
«Если эта боевая операция для меня окончится благополучно — думаю, что увидимся. Мне только что сообщили, что один из моих товарищей сегодня погиб, в связи с этим я вспомнил о наших воспитанниках — врачах 2[-го] ММИ, которые сложили головы за независимость Родины. Память о них надо увековечить, по крайней мере в стенах института, и на их примере воспитывать медицинскую молодежь в патриотическом духе. <...> Сердечный привет коллективу кафедры биохимии и вам, моим товарищам. Будьте здоровы. Пишите. Крепко жму руку. И. Фридлянд».

А вот письма И. Б. Фридлянда от дяди — упоминавшегося выше С. М. Фрида (1891—1946) из Самарканда, из эвакуации. Семен Маркович в 1941—1943 годах был профессором кафедры микробиологии Военно-медицинской академии. В 1944—1946 годах — директором Белорусского института микробиологии и эпидемиологии.

«14 августа 1942 г. Родной мой Ёжик! Мы бесконечно обрадовались твоему письму. Последнее время Елена Петровна каждое утро напоминала, что “от Иосифа уже давно нет сведений”, вдруг — собственноручное письмо. Ценю твою дружбу, твое внимание, и впредь прошу не забывать. Живем мы по-прежнему. В Академии я уже как будто акклиматизировался, работа идет интенсивная и плодотворная, не только в области преподавания, но и по исследовательской части. В бытовом отношении устроились не пышно, не комфортно, но нужды не знаем. Питаемся прилично. Беда одна: с литературой дело обстоит неважно. По ходу работы следует просмотреть ряд иностранных статей, а их здесь не найдешь. И было бы совсем хорошо, если бы удалось уже покончить с коричневой чумой, разгромить фашистских каннибалов. Но я не сомневаюсь, что день расплаты близок и над нашей замечательной Родиной вновь засияет заря счастливой жизни. Тыл работает интенсивно, каждый день мы читаем о замечательных делах наших бойцов на фронте — и в этом залог Победы. Валерий продолжает учебу. Пишет какие-то новеллы, сценарии и недавно заключил со своим литератором контракт на перевод 2-х американских сценариев. И это даже замечательно, что парень работает, встает своими ногами на твердую землю и идет вперед. В Алма-Ате живут некоторые наши друзья, которые с Валериком встречаются. Они отзываются о нем очень лестно и дают высокую оценку его работе. Адрес Валеры: Каз[ахская] ССР, Алма-Ата, Заводская ул[ица], д. 2, общежитие ВГИК.

Пиши чаще!! Обнимаю тебя и крепко целую. Дядя Сеня».

«Смертный
медальон»
И. Б. Фридлянда
с текстом-
вкладышем

«5 сентября 1943 г. Дорогой Иосиф! Твое молчание крайне беспокоит. Все время вел себя прилично и вдруг перестал писать. Только вчера получил письмо от Сони и успокоился. Убедительно прошу “не играть на нервах”. У нас ничего нового. Мы работаем на старых местах. Валерик был у нас два месяца тому назад, гостил три недели. Сейчас работает в колхозе. Меня зовут в Ярославль, где открылся белор[усский] мед[ицинский] институт, но, так как я состою в кадрах, дело следующее: по-видимому, без ЦК взять меня не удастся. Пиши, ради Бога, почаще. Крепко обнимаю тебя. Дядька».

В этих письмах упоминается еще одна интересная творческая личность — Валерий Семенович Фрид (1922—1998) — двоюродный брат И. Фридлянда, соавтор сценариев знаменитых фильмов «Служили два товарища» (1969), «Экипаж» (1981) и других. Уже тогда в семье Фридлянд (Фрид) кое-кто «изменил» медицине и выбрал другую профессию. Но это тема для отдельной истории.

История фронтовых записок

Война занимает в биографии И. Б. Фридлянда особое место. «Фронтовой дневник армейского токсиколога (22.06.1941—25.08.1945 г.)» — так И. Б. Фридлянд назвал фронтовые записки, дополненные и восстановленные спустя почти четверть века. В оригинале сохранилась лишь часть дневника, датированная июнем 1941 — июлем 1944 года. Последующие записи (до августа 1945-го) были утрачены в 1960-е годы и восстанавливались много позже.

Иосиф Бенцианович вспоминал: «23 августа 1939 г. из окна своего рабочего кабинета во 2-м медицинском институте я увидел огромный по тому времени самолет, облетающий Москву настолько низко, что на нем даже невооруженным глазом легко можно было разглядеть черную свастику. На этом самолете прилетел министр иностранных дел фашистской Германии фон Риббентроп для заключения договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Для чего Риббентроп сделал круг на самолете над Москвой? По свидетельствам очевидцев, во время переговоров в Кремле в руках у главы германской делегации был небольшой чемодан, с которым он не расставался ни на минуту. Возможно, в чемодане хранилась фотопленка с расположением важных стратегических объектов, необходимая для успешного налета немецких бомбардировщиков на Москву.

Спустя менее двух лет наступил самый длинный и самый черный день для нашей Родины. У меня сохранились письма и краткий дневник, который я регулярно вел во время Великой Отечественной войны, полагая, что в будущем, если останусь жив, сумею восстановить в памяти все, что видел или в чем непосредственно принимал участие.

Прошли годы, и многие события военных лет забылись. И все же сейчас, через 24 года после окончания войны, я решил разобраться в своих записках и воспоминаниях».

В 1941 году наш герой добровольцем вступил в 5-ю дивизию народного ополчения Фрунзенского района Москвы. С 30 августа по 13 октября 1941 года учился на курсах токсикологов при Московском военном округе. С 15 октября 1941 года до окончания войны находился на фронте в 38-й, затем 60-й армиях, с которыми прошел боевой путь до Праги. В 38-й армии Фридлянд служил начальником токсикологической группы усиления (ТГУ),

в 60-й армии — главным токсикологом армии. 13 июня 1943 года в селе Волоска-Балаклеяка, около Харькова, был контужен. Войну закончил в звании майора медслужбы. Оказывал медицинскую помощь бывшим заключенным концлагеря города Славута. Участвовал в освобождении концлагеря Аушвиц (Освенцим). По его настоянию там были развернуты первые два терапевтических госпиталя для оказания помощи бывшим узникам. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией».

Военные мемуары 1941—1944 годов

Приводим ряд фрагментов из дневниковых записей И. Б. Фридлянда.

«28 июля 1941 г. Первый налет. Вокруг щели, у выхода которой я сидел, упали 3 зажигательные бомбы. Одну из них я накрыл песком, который высыпал из бака. 1 зажиг[ательная] б[омба] упала на чердак (пробив крышу) над комнатой, а 1 на другую крышу. Все бомбы были потушены. Самолет сбросил бомбы на всем пути от Неглинки до Колхозной площади. На углу Сретенки около церкви сгорела дерев[янная] палатка. На Ср[етенский] бул[ьвар] упала фугаска. Вся улица была покрыта осколками стекла. Фугаска была сброшена вскоре после зажигательных. Незабываемо впечатление от обстрела светящимися пулями самолета, попавшего в луч прожектора.

22 января [1942 г.]. В 6 часов был послан в 64 госп[италь]. Работал до 12 ночи. Очень хорошо запомнил 2-х раненых: один во время перевязки раненой ноги, чтобы удержаться от боли и не кричать, стиснул зубы, говоря: “держишься комвзвод”, и держался. Другой при разрезе руки — подозрение на газ[овую] г[ангрену] под местной анестезией молчал, терял 2—3 раза сознание, но ни разу не застонал. Когда я указал ему на его выдержку, он заявил: “Поверьте на честное слово, в бою держался до последнего, пока не потерял сознание и не упал”.

И. Б. Фридлянд ведет занятия по токсикологии. 1942 г.

23 марта 1942. Часа в 3 ночи село [1-е Советское (ныне — Графское), Харьковская обл.] подверглось минометному обстрелу. Раненых не было. Проводил подготовку врачей и сестер. Перед обедом наблюдал лихую пляску 2-х гвардейцев. На баяне играл рослый рыжий еврей. Хорошее впечатление оставил нач[альник] МСБ [медсанбата] Тытыкало и ком[андир] Берлин. Из 1-го Сов[етского] уехал на машине с ранеными в Белый Колодец. Один из раненых скончался на столе во время операции.

1 мая 1942. В группу включен Байер. Б[айер] несколько месяцев назад вышел из окружения. Отрывки, которые мне удалось слышать, указывают на тяжелые испытания, которые он прошел. Несколько замкнут. Молодой парень 25 лет. Способный.

11 июня [1942 г.]. Вчера вечером приехал в Заг[рызово] начсанарм и вызвал меня. Дал задание прорваться в МСБ около Волоско-Балаклейки и выяснить относительно прим[енения] ОВ [отравляющих веществ]. К месту назначения я выехал вместе с Шишкиным на паре хороших лошадей. Ехали ночью. По мере приближения к Вол. Бал. встречали крестьян, кот[орые] со своим скарбом и скотом покидали линию фронта. Часов около 2-х ночи мы были в Вол. Бал. Пробовали поехать дальше, но один старик отговорил нас — темно, а дорога нам неизвестна. Вернулись в село и, поставив лошадей под навес, дали им корм и решили ждать рассвета. Шишкин спал, а я дремал около него. С началом рассвета над селом появилось несколько немецких самолетов. Я не придавал этому большого значения, расспросил жителей относительно Колесниковки и решил туда ехать. Запрягли лошадей и выехали из-под навеса. Не успели мы отъехать и 5 метров, как над нами появился самолет. В тот момент, когда я посмотрел вверх, от него отделилась бомба. Я и Шишкин спрыгнули с телеги и направились к погребу, а возница дернул лошадей и поехал куда-то. Когда я открывал дверь погреба, бомба взорвалась, волной меня толкнуло в погреб.

В погребе сидели женщины, дети. За первой бомбой просвистели 2-я, за ней 3-я и т. д. Бомбы рвались близко. Над головой то и дело был слышен свист, а дверь погреба все время “вздрагивала”. Бесперывная бомбежка продолжалась с 5:50 до 7:20. Нельзя было поднять голову. Интервал между разрывами редко доходил до 2—3 [минут]. Дважды я пользовался этими интервалами, чтобы узнать, где лошади. Обитатели погреба при этом кричали на меня. Лошадей нигде не было. В дом (против нас) попала бомба, рядом также, через дом также, в нашем доме окна и двери вылетели. К нам в погреб прибежал боец с оторванными пальцами правой руки. С помощью хозяйкиной марли сделали ему перевязку. В 7:20 мы вышли из погреба. Самолеты улетели. Мы с Ш. обыскали село, лошадей не нашли и решили идти обратно. Отойдя шагов 20—30, я вспомнил приказ пробиться в Кол[есниково]. Позвал Ш., и пошли туда пешком. По дороге лежал убитый осколком. На самой дороге сидел парень и о чем-то жалобно просил. Подошли. Над правым глазом у него разбита кожа и мышцы. Я хотел отвезти его в сторону, но у него оказалась пробита нога и рука. Лежал он около небольшой воронки. От смерти спасла каска, которая была пробита осколком над глазом. Вместе с Ш. мы отнесли его на луг. Положили.

В этот [момент] появились опять самолеты. Мы отбежали в поле на горку. Смотрим на то место, где мы скрывались в погребе. Взлетает в воздух один дом и погреб, в котором мы сидели (решил проверить это, но сделать этого не удалось), загорелся др[угой]. Самолеты улетели, и мы пошли дальше. Бомбежки продолжались, бомбили все села восточней, северней и западней Вол. Бал. по

И. Б. Фридлянд (крайний слева) с сослуживцами. Июнь 1945 г.

очереди. Когда в Кол[есниково] я беседовал с начсандивом и комбатом, бомбили село за 1 километр от нашего МСБ. Молодые врачи и сестры вели себя прекрасно, не отходили от больных и работали. Санитары при прилете неприятельских самолетов убежали в поля. Выехали обратно на крыльях машины, наполненной ранеными. По дороге то и дело попадались легко раненые, идущие в ППГ [полевой подвижный госпиталь], иногда на дороге лежали раненые (перевязанные). Класть некуда было, и мы ехали дальше. По дороге встречались трупы лошадей, убитая корова, встречались крестьяне, покидавшие район боев. За 1—1,5 км от Вол. Бал. остановил машину.

7 самолетов бомбили. Сделали 2 круга. Мы проскочили. Много зданий в селе горели. Что стало с нашим погребом, проверить не решились, т. к. ждали опять налета, и действительно, не успели мы отъехать несколько км, как в В. Б. опять рвались бомбы. Фашисты бомбят крестьянские хаты, стремятся уничтожить все живое. Я видел, как они бросили бомбу в пасущихся в поле лошадей. Крестьяне покидают деревни, маскируясь, передвигаются по дорогам, угоняют скот. Линия фронта сохранена. По дороге в окопчиках лежат замаскированные бойцы с ПТР [противотанковым ружьем]. Читал нем[ецкую] листовку, в которой они обращаются даже к комиссарам. Клянутся в дружбе к русскому народу. Просят сдаваться в плен. Листовка подделана под тон сов[етского] языка. Очевидно, составлена или отредактирована перебежчиком, правда, не совсем грамотным».

Как раз в этих местах на следующий день И. Б. Фридлянд был контужен и записи продолжились после значительного перерыва.

«16 августа [1942 г.]. Среди раненых привезли скончавшуюся от ран в пути 22-летнюю санитарку Зою Иванову. Подруги описывают ее как веселую девушку. “Погиб «синий платочек”», — сказала одна подруга. Зоя любила эту

песню и часто ее пела. Вместе с Э. И. привезли еще 2-х санитарок. К раненым мужчинам и их страданиям как-то привык, но видеть убитых и раненых девушек очень тяжело. Вскрыл раненого разрывной пулей в голень левой ноги старшего лейтенанта Лосько. Его обступили товарищи по оружию, многие при встрече целовали его. Л[осько] лежал взволнованный и рассказывал о наступлении. Последнюю атаку немцев поднялись отражать не только здоровые, но и раненые бойцы 2-го батальона. “Здесь страшнее, чем там. Там не страшно”, — сказал одному товарищу.

07.12.1943. Выехал вместе с Френкелем и Черемишиным в Малин для эвакуации раненых. В больнице встретил Домбинского, с которым поехал на “санитарке” в здание бумажной фабрики. На дороге вооруженный пикет от госпиталя останавливал пустые машины. Мы присоединились к ним, т. к. было остановлено сразу 4 машины. Вдруг показались нем[ецкие] самолеты, повернули на нас и начали бомбить. Я лег около проволочного забора, затем продвинулся к дереву. Бомбежка усиливалась. Послышались крики и стоны раненых, которые сливались со свистом падающих гранат. (Комментарий М. И. Фридлянда: «Отец рассказывал о бомбежке контейнерами с гранатами. Контейнер раскрывался в воздухе, и гранаты, разлетаясь, накрывали довольно большую площадь».) Запомнился один момент: последний самолет бросает груз впереди меня, я сливаюсь с землей, шум падающих гранат все приближается и приближается, думаю: “конец”, потерял ощущение тела. Короткие секунды кажутся долгими, “скорей бы”. Хочется избавиться от кошмара ожидания. Гранаты рвутся поблизости, в ушах шум... Впереди себя около мостика заметил углубление, переползаю через проволочный забор туда, т. к. лежал просто на земле, щелей поблизости не было, но бомбежка перенесена по дороге дальше через мост вверх по дороге в Малин. Машины были исковерканы, несколько человек стонало на дороге, на углу лежал убитый боец, шагах в 15 от него лежал Борисов, убитый шофер машины Домбинского. Он, очевидно, не успел выскочить из машины и после того, как был смертельно ранен, вышел и тут же скончался. Вместе с замполитом ПЭПа [полевой эвакуационный пункт] И. И. Веселовским мы внесли убитого шофера в здание госпиталя. При выходе я столкнулся с Е. Н. Мешалкиным, Ц. И. Мулиной и сестрами из хирургической группы усиления, которые покидали госпиталь. Я остановил их и направил к машине, откуда все еще продолжали доноситься вопли и стоны раненых. Раненых пришлось вынести из машины, и повторно раненым была оказана необходимая помощь группой Мешалкина. На территории госпиталя на земле остались следы “прыгающих” гранат, напомилавшие следы лапок птиц, остающихся обычно на сырой почве.

В госпитале работа продолжалась, несмотря на то, что его начальник скрылся еще до нашего приезда. Обработывались вновь поступившие раненые и эвакуировались имевшиеся.

Создавшаяся обстановка требовала, конечно, срочной эвакуации из Малина в более глубокий тыл. Не все хирурги тогда, так же как и я, были в курсе дела.

Я обошел все палаты, где работали различные группы усиления, и передал им приказ начсанарма немедленно после обработки эвакуировать раненых. Не все понимали, почему это делается, и один военврач из группы В. О. Калины (отделение отоларингологии) начал доказывать мне вред, приносимый раненым преждевременной эвакуацией. Я терпеливо выслушал пожилого опытного врача и посоветовал ему не мудрствовать и выполнять приказ начсанарма и тут

же после оказания необходимой помощи эвакуировать раненых. А время шло. Наступила ночь. Подходя к одному из зданий ППГ, я услышал спор и мат, в котором выделялся голос начальника ПЭПа Домбинского. Он кричал на возницу — маленького, тщедушного пожилого солдатика, которого вооруженная охрана завернула с его “таранасом” — длинной телегой, на которой крестьяне обычно перевозят снопы к госпиталю. Домбинский кричал на солдата, а тот твердил свое: “Не могу я брать раненых, меня командир послал в соседнее село, и я должен через 2 часа вернуться к нему”. Домбинский вышел из себя, и его рука потянулась к пистолету. Я подошел и встал между ними. Домбинский опомнился, да и солдатик к тому времени принял нужное решение и сказал: “Грузите”, а я, шагая дальше с начальником ПЭПа, сказал ему: “Зря вы это, не по вине таких, как этот солдатик, фашисты оказались в этом районе”. В сущности, солдат был прав — приказ своего командира должен быть безоговорочно выполнен.

Около крыльца здания в глаза бросалась легковая машина. В ней один из подполковников тыла армии, ответственных за эвакуацию раненых из Малина, тискал красивую, пожалуй, самую красивую сестричку из ППГ 4342. Оно, конечно, не лишнее, не вредно для солдата или офицера при любых обстоятельствах, но не при данных. Но подлость заключалась в том, что это ответственное лицо проходило курс лечения от болезни, вызванной бледной спирохетой (сифилис).

9 января [1944 г.]. Хозяин дома перед уходом в армию крепко гулял с соседями. За разговорами выясняются темные дела многих односельчан. С опаской ждут приход “зеленых фуражек” (пограничные войска НКВД СССР).

14 января 1944. В ППГ из соседнего села привезли солдата, раненого бандеровцами. Бандеровцев удалось обнаружить в укрытии, которое забросали гранатами. Из укрытия извлекли 4 трупа.

18 апреля [1944 г.]. По дороге из Любянки в Залужье ко мне на телегу села пожилая женщина. “Сын мой прожил 17 лет и 2 недели. Он страстно хотел стать летчиком и все время мастерил модели самолетов. Немцы его убили”, — кончила она.

27 апреля 1944. Выехал вместе с Гинзбургом, подполковником Голиковым в Гай Ростоцкий для проверки готовности 107[-й стрелковой дивизии]. Встретил Железнову и Сурнину. Узнал о гибели врача Асланова. Полковник Петренко — высокий, здоровый, умный украинец. Замечания генерала Суркова не оспаривал, одергивал своего начальника штаба, который оправдывался. Впечатление такое, что П[етренко] нарочно ничего не оспаривал сейчас: уедут — и все будет сделано как он, П[етренко], найдет нужным».

Упомянутый здесь Василий Яковлевич Петренко (1912—2003) — генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, командир 107-й стрелковой дивизии, освобождавшей в 1945 году концлагерь Аушвиц.

Записи 1945 года. Аушвиц и миссия врача

Дальнейшие записи представляют собой восстановленные части дневника с комментариями и пояснениями М. И. Фридлянда.

«**30 января 1945 г.** Выехал в Освенцим. (Комментарий М. И. Фридлянда: «Отец рассказывал, что к нему на улице подошли солдаты, побывавшие в Освенциме, и сказали: “Доктор, такого мы еще не видели. Вам обязательно надо посмотреть. Это что-то страшное” и буквально заставили его туда поехать»).

По дороге встречаются жители, везущие на саночках домашний скарб, направляющиеся в Краков. Встречаются группы с тележками, загруженными чемоданами. На каждой тележке развевается флаг той нации, к которой принадлежат обладатели транспорта. Флаги различных национальностей. На спинах людей опознавательные знаки в виде щита Давида, креста и др. Лица пастозные [бледные и отечные], измученные и даже страшные. Это бывшие заключенные, которые спешат покинуть лагерь, спешат на свою родину. Подъезжаем к воротам лагеря, на них надпись на немецком языке “ARBEIT MACHT FREI” (“Труд делает свободным”). В самом лагере есть еще много узников, которым, очевидно, пока что некуда податься. В отдельных бараках — склады с вещами, аккуратно разложенными по чемоданам. В каждом чемодане одинаковые предметы: пудра, губная помада, расчески, фонарики, ножницы, игрушки детские и т. д. Есть склады с огромным количеством предметов личного обихода — простыни, одеяла, полотенца, платки, тысячи пар обуви различных размеров — от детских туфелек до больших размеров взрослых женщин и мужчин. В одном бараке гора покрывал, надеваемых евреями во время молитвы (талес), в другом — тюки с запакованными человеческими волосами с адресами на них (тюках), указывающими место назначения “груза”.

Один барак служил домом терпимости. В дверях маленьких комнат глазки, в комнатах по 1 кровати и одному стулу. Девушек заключенные презрительно называли “пфенингами”, т. к. существовало мнение, что многие шли туда добровольно. Возможно, что некоторые думали спасти себе жизнь таким образом. В действительности несчастных женщин после определенного срока использования отправляли в газовые камеры. На смену им присылали других. Бывать у них могли только немцы (в том числе и заключенные).

В одном из складов натолкнулись на груды мыла, к которому никто из освобожденных не притрагивался: это мыло, приготовленное нацистами из человеческого жира. В “жилых” бараках лежат, иногда стоят истощенные, измученные,

Освобожденные узники Освенцима беседуют с бойцами Красной армии.
Освенцим. 1945 г.

издерганные люди — французы, венгры, голландцы, югославы, поляки и евреи (их подавляющее большинство) всех стран Европы. Подавляющее большинство оставшихся в лагере — евреи, но есть и русские и даже детишки. В Биркенау (внутренний лагерь в Освенциме в основном для евреев, своего рода гетто внутри лагеря уничтожения) я увидел сотни трупов людей, погибших от истощения, кожа и кости, поразительно, как они дожили до такого состояния. Эти трупы немцы не успели сжечь. Специальные крематории, около которых валяются еще “орудия труда” — железные тачки, большие и малые щипцы для сбрасывания трупов в печи, для выдергивания золотых зубов и т. д. В углу одного из барачков я обнаружил деревянный ящик с эрзац-деньгами из прессованного картона, окрашенными в серебристый цвет. Были монеты разного достоинства. Знаки были выпущены в Litzmannstadt в 1943 г.»

Как удалось выяснить М. И. Фридлянду у бывшей узницы Лодзинского гетто, а затем Освенцима, это были внутренние деньги Лодзинского гетто. Даже через 60 лет она вспомнила фамилию старосты. Но в обычное время всё, что было связано с пребыванием в гетто и концлагере, просто выпадало из ее памяти. Этого не существовало. Только монета ненадолго разбудила ее память. Евреи из этого гетто были отправлены в Аушвиц и почти все уничтожены.

«Наконец, склад с пустыми и заполненными банками “циклона Б”, с которым столкнулся еще в конце февраля 1943 г. в немецком госпитале, созданном фашистами на базе школы № 7 в г. Курске. На мой доклад (21 апреля 1943 г.) по поводу того, что, судя по устройству “дезкамеры” во дворе госпиталя, “циклон Б” применялся не для дезинфекции, а для уничтожения людей, тогда не обратили должного внимания. Такое варварство казалось слишком маловероятным.

Поздно вечером со страшной головной болью, подавленный и удрученный всем виденным, вернулся в санотдел и пошел к начсанарму. “В лагере столько несчастных, нуждающихся в немедленной медицинской помощи, что нельзя терять времени. Воспользуемся перерывом в боевых операциях и направим ТППГ [терапевтический полевой подвижный госпиталь] в лагерь”, — предложил я. “Да”, — сказал начальник, не поднимая головы, помолчал немного, поднял голову, посмотрел на меня и спросил: “Кого ж послать”. Назавтра в Освенцим прибыли 2 терапевтических госпиталя под руководством Мелая и Вейткова. Это были первые медицинские подразделения, начавшие оказывать помощь бывшим заключенным. В послевоенной литературе об Освенциме я нашел такую фразу бывших заключенных: “Советские врачи и медсестры осмотрели всех больных, стараясь спасти каждую жизнь”. Меня это радует, т. к. я был первым офицером-медиком, посетившим Освенцим и настоявшим на посылке туда госпиталей».

Как пояснил М. И. Фридлянд, «отец хорошо знал идиш, так что языкового барьера при общении с освобожденными узниками практически не было».

«1 февраля 1945 г. Меня окружают несколько бывших заключенных, и один из них — Гордон, еврей, врач из Белоруссии, находившийся в лагере несколько лет, говорит: “Я сюда был доставлен с отцом, матерью, сестрой, женой и ребенком. При сортировке прибывших меня направили на работы, а моих близких на сжигание. Они все были сожжены, но до сих пор меня мучает одна мысль — как погибла моя дочурка. Дело в том, что в составе зондеркоманды был один садист, который бросал детей живыми в раскаленную печь. Меня все время мучает мысль, не оказалась ли моя девочка среди сожженных заживо”.

Осмотр бывших узников советскими врачами. 1945 г.

6 февраля 1945 г. Вечером в Освенцим прибыли генералы Олейнин, Яшунин, Гришаев. Я был у генералов гидом по лагерю, показывал им взорванные печи для сжигания, орудия пыток, банки с “циклоном Б”, места отравления и обработки трупов и живых узников. Показал склады волос (7000 кг), которые гитлеровцы не успели отправить в Германию, массу чемоданов с губной помадой, расческами, ботинками и другими предметами, а также ящики с порошком из человеческих костей. Вопросов не было, все слушали молча, молчали и смотрели.

Сегодня вечером состоялся концерт артистов первого эшелона 60-й армии перед бывшими узниками Освенцима. Каждый номер выступавших сопровождался громом аплодисментов, свистом, топанием ног, криками восторга собравшихся. Я сидел на каком-то возвышении и не сводил глаз с собравшихся. Лица их все время были в движении. У многих текли по щекам слезы. Люди поражены тем, что видят, и, может быть, еще не осознают полностью своего избавления от неминуемой гибели. Очень тяжело от всего виденного в Освенциме, и вместе с тем в душе какое-то чувство гордости за тех воинов 60-й армии, которые, рискуя своей, подарили этим несчастным жизнь».

«12 февраля 1945 г. В Освенциме провел несколько часов. Русская девушка лет 20—22 рассказала, каким издевательствам она подвергалась со стороны немецких фашистов. Жизнь ей сохранили потому, что она была кастрирована немецким врачом и находилась под его непосредственным наблюдением».

Все эти записи уточнялись И. Б. Фридляндом в послевоенные годы. Но сохранилось его письмо матери — Анне Марковне (Хасе Мордуховне) Фридлянд от 7 февраля 1945 года, написанное явно под влиянием увиденного в Освенциме (Аушвице): «Добрый день, дорогая. Мы по-прежнему понемногу двигаемся вперед. Повсюду встречаем следы жутких преступлений и издевательств немцев над людьми. Мы натолкнулись на лагерь, где были сожжены и замучены БОЛЕЕ ШЕСТИ МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК. Несколько

тысяч больных остались, т. к. немцы не успели их добить. Об этом лагере еще много будут писать. Я в нем был несколько раз и каждый раз уходил с всё более и более тяжелым чувством. Такого ужаса люди никогда еще не переживали. Расплата должна быть жестокой. Будьте здоровы. Целую».

Иосиф Бенцианович пытался хотя бы приблизительно определить число жертв. В эти дни, в феврале 1945 года, цифра «шесть миллионов» уже встречается в письмах других участников освобождения концлагеря. Тут стоит провести отдельное исследование.

Массовые отравления

Много внимания в дневнике уделено спасению солдат и офицеров Красной армии, отравившихся метиловым спиртом. В конце января 1945 года в Кракове по своей методике И. Б. Фридлянд спас от отравления метиловым спиртом летчиков целого полка, которые нашли в подвале бочку этого ядовитого вещества. Еще в 1944 году он провел исследования и выпустил рекомендации по лечению отравлений алкогольсодержащими жидкостями. Настоящий ученый, тем более врач, работает всегда и при любых обстоятельствах.

И. Б. Фридлянд писал: «Перечитывая дневник в очередной раз, я обратил внимание, что проблема отравлений солдат появилась во второй половине войны и приняла такой масштаб, что потребовались специальные разработки методов лечения, занятия по обучению персонала, и что травились не только специально оставленными ядовитыми спиртными напитками, но и само население продавало отравленный алкоголь. У меня сохранились эти методики лечения».

Мирная карьера ученого

В сентябре 1945 года И. Б. Фридлянд был демобилизован и вернулся на гражданскую службу ассистентом на кафедру биохимии Второго ММИ. Еще на фронте он решил заняться биохимией газовой гангрены, от которой погибало много раненых. Как оказалось, это была малоисследованная проблема. В 1953 году Фридлянд защитил докторскую диссертацию по теме «Обмен веществ у морских свинок при экспериментальной газовой гангрене, вызванной *Vac. perfringens* типа А». В начале 1953 года, еще до защиты диссертации, ему было предложено уволиться из института «добровольно», по собственному желанию. Поскольку такого желания не было, а в середине года найти замену преподавателю было очень сложно (он вел много групп), быстро уволить ученого не удалось.

Приводим фрагмент воспоминаний И. Б. Фридлянда: «В начале 1953 г., когда я заканчивал докторскую диссертацию, меня вызвали в отдел кадров и сказали, что доктор наук не может работать ассистентом на кафедре, и предложили уйти “по собственному желанию”. Поскольку диссертация не была защищена, уход с работы автоматически лишал меня возможности защищаться, я сказал, что у меня нет желания уходить. Это произошло в середине учебного года, и я в то время вел 8 студенческих групп. Распределить такую нагрузку между имевшимися преподавателями было невозможно, и мне стали искать замену со стороны. Через какое-то время нашли женщину, которая ранее работала на кафедре, но ушла на пенсию. Она уже почти согласилась, только спросила, вместо кого ее берут. Когда ей сказали, что вместо меня, она категорически отказалась. Раньше мы работали вместе. В этот момент умер Сталин, и меня оставили в покое. Я подал диссертацию к защите, и, как положено, ее послали на

отзыв двум оппонентам. Оба прислали положительные отзывы, и я защитился на кафедре без единого “черного шара”. Когда диссертация поступила в ВАК [высшая аттестационная комиссия] на утверждение, там ее послали еще одному “черному” оппоненту (я знал, что это был известный антисемит), который дал резко отрицательный отзыв. На основании этого отзыва мне пришлось защищаться повторно в ВАКе. Защита прошла блестяще».

Уйдя после защиты диссертации из Второго ММИ, Иосиф Бенцианович был принят на должность зав. кафедрой биохимии в Ярославском медицинском институте, где продолжал заниматься исследованиями анаэробной инфекции.

В 1956 году И. Б. Фридлянд получил звание профессора кафедры биохимии в Ярославском медицинском институте. Поскольку квартиры в Ярославле, несмотря на все обещания, ему не дали и семью взять к себе не удалось, он после окончания срока избрания вернулся в Москву. С сентября 1959 года заведовал лабораторией биохимии Всесоюзного института животноводства, где проводил исследования влияния избытка холестерина на обмен веществ в организме. Одним из первых начал разрабатывать и внедрять простейшие и очень дешевые азотистые пищевые добавки в корм сельскохозяйственных животных и доказал их эффективность в увеличении синтеза белка (т. е., собственно, веса животных). С конца 1961 года перешел на заведование биохимической лабораторией Московского научно-исследовательского рентгенорадиологического института и вновь сменил направление своих исследований. В течение более 10 лет занимался исследованиями влияния лучевой терапии и ионизирующей радиации на обмен веществ и лабораторной диагностикой злокачественных новообразований. Хотя результаты были очень обнадеживающими, ему не удалось завершить свои исследования в связи с выходом на пенсию в 1973 году.

Итоги жизни

Ученый-биохимик И. Б. Фридлянд оставил после себя более 60 научных работ. Под его руководством выполнены и защищены пять кандидатских и одна докторская диссертация. Его исследования в области биохимии посвящены обмену веществ в норме и при различных патологических состояниях (авитаминозы, злокачественные новообразования, облучение и др.). Профессор Фридлянд выступал с докладами на Международном биохимическом съезде в Москве в 1961 году, на двух всесоюзных съездах биохимиков (1964, 1969), других профессиональных форумах и конференциях. В частности, на симпозиумах по фенольным соединениям (1966, 1971).

Последние годы жизни И. Б. Фридлянд активно работал над дневниками и воспоминаниями, надеясь их издать, опубликовать. Однако в 1970-е годы советские издательства рукописью не заинтересовались. «Пока Вам не удалось создать воспоминания, которые были бы интересны для широкого круга читателей» — таков был ответ Воениздата в 1979 году.

К счастью, личный архив И. Б. Фридлянда сохранен его сыном и вполне готов к изданию. В наши дни взгляды на достоинства и недостатки дневников и воспоминаний изменились. На историко-документальных выставках «Холокост: уничтожение, сопротивление, спасение» И. Б. Фридлянд включен в раздел о медиках, спасавших освобожденных узников Аушвица. Тема судеб и роли медиков в годы Великой Отечественной войны продолжает активно изучаться.